

Н. Владимирский.

ОТХОЖИЕ ПРОМЫСЛЫ

КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ.

(Краткий очерк).

Издание Костромского Губстатбюро.

КОСТРОМА

1926.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТ
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Дата, срок, имя

Фонд. № 324 — 33000,0. 7

25. 06. 2010

Кр. 63,3 (2)
В - 57

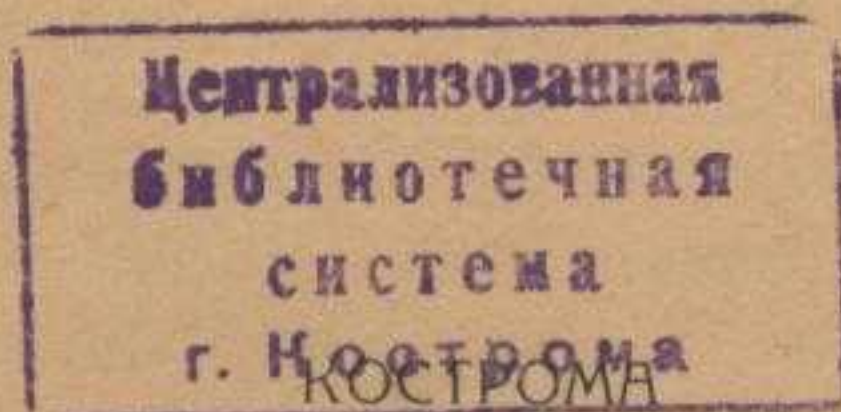
Н. ВЛАДИМИРСКИЙ.

ОТХОЖИЕ ПРОМЫСЛЫ

крестьянского населения
Костромской губернии.

(Краткий очерк).

Издание Костромского Губстатбюро.

1926 г.

Кострома, 1926 г. Гублит № 461. Заказ № 1879 Тираж 250 экз
Типо-литография „Северная Правда“.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Развитие в Костромской губернии отхожих промыслов издавна приковывало к ним внимание со стороны статистиков и экономистов. Достаточно упомянуть талантливые очерки „Бабьей стороны“ в Солигаличском уезде маститого *Д. Н. Жбанкова* в начале 90-х г. ст., давшие яркую картину распространённости в северо-западной части Костромской губернии строительного отхода и его влияния на состояние сельского хозяйства и вообще на весь жизненный уклад деревни. Известное место уделялось этим промыслам и в работах земской статистики. Однако специально вопрос о самостоятельном исследовании отхожих промыслов в статистических материалах предшествующего времени не ставился. Настоящий очерк, составленный преимущественно по материалам Губстатбюро, является попыткой более или менее систематического выяснения того, что представляют собою отхожие промыслы Костромской губернии в прошлом и настоящем, степени их распространённости, характера их и состояния, размеров даваемых ими заработков и, в известной мере, влияния их на экономику и вообще на быт деревни. Разумеется, сообщаемые в очерке сведения, не всегда отличаются желаемой степенью точности, иногда лишь довольно приближены, — что объясняется состоянием использованных в очерке материалов, — тем не менее, в качестве дающих общую ориентировку в вопросе о значе-

нии и положении внеземледельческого промыслового отхода, сведения эти представляются заслуживающими внимания.

Из материалов Губстатбюро, использованных при составлении настоящего очерка, надо назвать данные анкетного обследования отхожих промыслов 1925 г., текущую с.-х. статистику, бюджетные исследования крестьянского хозяйства и динамические переписи, а также сведения волостных исполнительных комитетов о выбранных паспортах за 1924 и 1925 г.г. Из материалов других отделов использованы, между прочим, данные анкетного учета отхожих промышленников за 1923 и 1924 г.г., проведенного по линии Наркомтруда.

Подсчеты, лежащие в основе настоящего очерка, произведены силами Губстатбюро под руководством и по плану заместителя заведующего Губстатбюро *Н. Н. Владимирского*, которым написан и самый текст. Общая редакция принадлежит нижеподписавшемуся.

Заведующий Губстатбюро *Евг. Дюбюк*.

I.

Общая причина возникновения сторонних промыслов в сельском хозяйстве—это несовпадение времени производства с рабочим временем. Холодная и длинная зима в Костромской губернии ограничивает период полевых работ всего пятью месяцами (в то время, как для Московской губ. это период доходит до семи месяцев). В течение нашей долгой, северной зимы крестьянин вынужден сидеть сложа руки. „Понятно, какой потерей было бы для России — пишет Маркс — если бы 50—65 миллионное население ее европейской части осталось без занятия в течение шести или восьми зимних месяцев“¹⁾.

Другая, характерная для нашей страны причина, толкающая крестьянство на путь сторонних промыслов — „аграрное перенаселение“. Низкий уровень земледелия не может поглотить всю рабочую силу деревни, дать ей работы в связи с экстенсивными формами ведения хозяйства и малоземельем— сильнее сказывается в Костромской губернии и влияние климатических условий, сокращающих период использования рабочей силы крестьянского хозяйства в земледелии²⁾.

1) Маркс „Капитал“ т. 2 стр. 219—220.

2) В самом деле, до войны, когда уровень сельского хозяйства в губернии был выше, и рабочее время крестьянства расходовалось в сельском хозяйстве в большей степени (составляя тогда 84 проц. от всего годового запаса рабочего времени).

В общем выводе, рабочая сила крестьянского хозяйства использует в полеводстве и скотоводстве только 74 проц. всего своего годового запаса рабочего времени (по данным обследования крестьянских бюджетов Костр. губ. за 1923-24 г.). Остальные же 26 проц. рабочего времени остаются в сельском хозяйстве неиспользованными. Этот избыток рабочих рук и рабочего времени и находит себе применение в различных промыслах.

Кроме этих причин, действует и ряд других более или менее свойственных Костромской губернии. Почвы большей части губернии, при современном уровне сельского хозяйства — малопродуктивны и трудны для обработки. Урожай низкий: по хлебу Костромская губерния занимает в ряду других губерний Центрально-Промышленной Области за десятилетие с 1905 по 1914 г. одно из последних мест¹⁾.

Своего хлеба крестьянам не хватает. Круглый год своим хлебом обходится (по обследованию питания сельского населения произв. Губстатбюро в 1924-25 г.) всего лишь 21,9 проц., остальные же крестьяне вынуждены хлеб в той или иной степени — прикупать. В среднем, в 1924 г. крестьянину хватало своего хлеба только на 7, 6 мес. Остальные же 4, 4 мес. крестьянин должен был жить покупным хлебом.

Где добыть деньги на покупку?

Товарные с. - х. культуры в Костромской губ. — лен, хмель, картофель, которые крестьянин мог бы обратить в деньги, распространены отчасти лишь в юго-западном углу губернии. До войны продажа своей с. х. продукции составляла к годовому рыночному обороту крестьянского хозяйства для юго-

¹⁾ „Народн. Хозяйство СССР в цифрах“ издание ЦСУ 1925.

западных уездов 20,9 проц., а для остальных уездов— всего лишь 11,8—11,3 проц. А деньги нужны крестьянину и для уплаты налогов, покупки предметов потребления и т. д.

Есть только один выход—или поднимать на более высокий уровень свое сельское хозяйство, что однако, требует и хозяйственных затрат и сил, либо искать побочных заработков. И действительно, исследование крестьянских бюджетов за 1908 г. устанавливает большую долю (почти 50%) в условно-чистом доходе крестьянского хозяйства—внеземледельческих заработков.

В среднем по губернии условно-чистый доход одного крестьянского хозяйства составлял 415 р. 56 к., из которых 49,4 проц. (205 р. 14 к.) состояли из доходов от промысловой деятельности. В уездах: Костромском, Нерехтском и Буйском, процент заработков от промыслов был всего ниже— 46,2 проц. (184 р. 29 к.). В остальных уездах удельный вес промысловых заработков был несколько выше,—именно—в Кологривском 52,4 проц. (171 р. 46 к.), в Солигаличском, Галичском и Чухломском—тоже 52,4 проц. (242 р. 60 к.)

Ту же картину мы имеем и по обследованию бюджетов 1923/24 г. (см. табл. на стр. 8).

В 1923/24 г. условно-чистый доход от сельского хозяйства составлял 175 р. 80 к., а от промысловой деятельности—86 р. 40 к. или 33 проц. Таким образом, третья часть условно-чистого дохода Костромского крестьянина складывается из доходов от промыслов.

Размеры этих внеземледельческих занятий сельского населения различны для отдельных уездов губернии; эти различия определяются состоянием сельского хозяйства, уровнем его урожаев, степенью развития ценных товарных культур, как лен, карто-

	Нерехтский, Костромской Буйский у.у.		Солигалич- ский, Галич- ский, Чух- ломский.		По губернии.	
	Валов.	Условно- чистый.	Валов.	Условно- чистый.	Валов.	Условно- чистый.
Доход от с.-х. дея- тельности и леса.	418,80	204,80	360,90	163,70	390,80	175,80
Доход от промыслов	62,20	57,10	129,70	117,90	94,70	86,40
Весь доход от с. х. деят. и промыслов	481,00	261,90	490,60	281,60	487,50	262,20
% доходов от промы- словой деятельности к условно чистому до- ходу.		21,8%		41,8%		32,9%

фель, хмель. Менее плодородной частью губернии является северо-восток, за ним северо-запад, а самые плодородные местности находятся в юго-западном углу губернии. Еще раз оговоримся, что вся губерния—является губернией потребляющей. Хлебный баланс всех уездов дефицитен в той или иной степени.

В 1923/24 г. в Костромскую губернию по железнодорожным и водным путям (из последних здесь учли только пристань Кострому) ввезли хлебных грузов всего 5.001.026 пудов, а вывезли—1.093.008 пудов. Чистый привоз равнялся 3.908.018 пудов. За вычетом потребления городского населения (исчислено по данным Губстатбюро)—на сельское население остается 2.796.267 пудов, или 3,87 пуда на душу сельского населения. Но в то время, как в юго-западных уездах губернии (Костр. и Нерехтск).

завоз хлеба в 1924 г. составил на душу сельского населения в среднем 3,48 пуда, в остальных уездах он выразился в 4,06 пуда.

Сходную картину мы наблюдаем и в довоенные годы. Так, в 1914 г. в губернию (по дан. ж. д. статистики Мин. Пут. Сообщ. и книге Верховского „Грунтовые дороги“) было ввезено по железным дорогам и водным путям 7.027.400 пуд. хлебных и семенных грузов; вывезено из губернии—1.872.100 п. Чистый привоз был равен 5.155.300 пудов; что (за вычетом городского потребления) составляло на душу сельского населения в юго-западных уездах—4,38 п., в северных—5,96 пуд., а в среднем по губернии—5,42 пуда.

Понятно, что уезды с большой дефицитностью сельского хозяйства—выделяют больше работников для побочных внеземледельческих заработков.

В среднем по губернии процент крестьянских хозяйств, имеющих промыслы, до войны определялся в 86,4 (по дан. подворной переписи 1897-1905 г.г.). В 1924 г. этот процент, судя по выборочному, охватывающему около 9 проц. всех хозяйств (12.917 из 145.438) губернии, обследованию, равнялся 57,8. Общее число промышленников составляло до войны 26 проц. от всего сельского населения, а в 1924 г.—14,4 проц.

Но в то время, как среди крестьянских хозяйств юго-западных уездов (Костромского и Нерехтского) хозяйства с промышленниками составляют только 40,4 проц., для остальной части губернии этот процент доходит до 67,8 проц.

Из числа лиц обоего пола в рабочем возрасте по данным того же обследования, имеют промыслы в первых двух уездах 17,7 проц., а в остальных пяти—30,2 проц. (в среднем по губернии—25,7 проц.). Таким образом, в большей части губернии почти

треть всего сельского населения в рабочем возрасте занята промыслами. Промысловость женщин много ниже. Среди женщин в рабочем возрасте промыслы имеют всего 3,9 проц., тогда как среди мужчин — 52,2 проц., т. е. больше половины. В юго-западной полосе губернии земля, видимо, крепче приковывает к себе активное мужское сельское население, т. к. там промышленников мужчин только — 35,9 проц. от всех мужчин в рабочем возрасте, а в остальных уездах — почти вдвое больше — 61,3 проц. Повидимому, там, где полевое хозяйство стоит прочнее и занимает рабочие руки в течении большей части года, внеземледельческие промыслы развиты слабее. (Все проведенные цифры взяты на основе выборочного, динамического, обследования. Абсолютное же число промышленников, приведенное ниже, мы можем в настоящее время, т. е. до всесоюзной переписи, определить только приближенно).

Преобладающей формой среди промысловых занятий костромского крестьянства является отход¹⁾.

По приблизительным подсчетам Губстатбюро, из общего числа всех промышленников, отходников — 70,4 проц., кустарей — 15,8 проц. и лесных рабочих и сплавщиков — 13,8 проц.²⁾ (См. таб. на стр. 11).

¹⁾ Оговариваемся, что здесь и ниже, за число отходников (вообще говоря, трудно определяемое) по Костромской губ. мы (не имея др. данных) приняли число выбранных за 1924/25 г. в сельских местностях паспортов. Ясно, что не все, выбиравшие паспорта, шли на промыслы: известная доля (можно полагать процентов 10) относится и на другие виды механического движения населения. С другой стороны, заметим, что теперь выборка удостоверений личности составляет право, а не обязанность, и, возможно, не всякий отходник, отправляясь на заработки, брал паспорт.

²⁾ Число кустарей взято по данным обследования кустарной промышленности (произведено Губстатбюро в 1925 г.)

В сборнике „Прошлое и настоящее Костр. края“ (изд. ГИК 1926 г.) на стр. 251 нами уже приводились данные пред-

У Е З Д Ы	Число промышленников.			
	Кустарей.	Выбравших паспорта (отход).	Лесных.	Всего.
Костромской 1)	3810	8483	374	12667
Нерехтский . . .	1917	7911	40	9868
по 2 уездам	5727	16394	414	22535
в % %	25,4	72,8	1,8	100
Буйский	2240	7811	1733	11784
Галичский	1771	16364	607	18742
Чухломский	642	7186	88	7916
Солигаличский	973	4755	1718	7446
по 4 уездам	5626	36116	4146	45888
в % %	12,3	78,7	9,0	100
Кологривский 2)	2949	11313	8008	22270
в % %	13,2	51,8	36,0	100
Всего по губ.	14302	63823	12568	90693
в % %	15,8	70,4	13,8	100

варительной разработки материалов статистического анкетного учета кустарей; здесь мы приводим уже цифры окончательного подсчета.

Число лесных и сплавных рабочих взято по примерным подсчетам Губстатбюро, исходя из количества выработанной и сплавленной древесины и норм выработки.

1) Включая Судиславль, с. Красное, а также Трудовую и Рабочую слободы.

2) Надо отметить, что в число кустарей по Кологривскому уезду вошло значительное число и отхожников, преимущественно портных и каталей, выделить которых из общей массы промышленников в настоящее время не представляется возможным; поэтому приведенную в табличке цифру кустарей надо считать преувеличенной, примерно, на полторы тысячи чел.

На характере побочных промысловых занятий отражается географическое местоположение и естественные условия того или иного уезда, населенность, состояние путей сообщения, характер сельского хозяйства, наличие рынков сбыта.

Большая близость юго-западной части губернии к промышленным центрам, хорошие пути сообщения (Волга, Костромка, давно проложенная железная дорога), более густое население, наличие рынков сбыта — все это в большей мере, чем в других местах губернии способствует развитию здесь местных кустарных промыслов.

Север губернии живет в несколько иных условиях; там более редкое население, города и торговые центры — далеко, пути сообщения — плохи, рынки сбыта — узки. Все это менее благоприятствует развитию кустарных промыслов.

С другой стороны, северная, а еще более, северо-восточная полоса губернии характеризуется обильной лесистостью; эти леса создали из крестьянства широкие кадры рабочих по разработке и сплаву лесоматериалов, а также и по обработке дерева. В наиболее лесистом, Кологривском уезде, лесные промыслы занимают особенно большое место (чему способствует наличие хорошего леса и сплавных рек).

В ряде местностей северо-западной части губернии (Галичский, Чухломский, Солигаличский уезды) возможности у крестьянства для занятия лесным промыслом — уже: меньше хорошего леса, в особенности у сплавных путей.

В этом районе получили особое распространение отхожие промыслы.

Итак, группируя отдельно уезды юго-западные (Костр. и Нерех.), северо-западные (Буйский, Галичский, Чухломский и Солигаличский) и северо-вос-

точный — Кологривский, мы имеем для первого района в числе всех промышленников 72,8 проц. отхожих, 25,4 проц. кустарей и 1,8 проц. лесных. Для второго района — 78,7 проц. отхожих, 12,3 проц. кустарей и 9,0 проц. лесных; для третьего — 50,8 проц. отхожих, 13,2 проц. кустарей и 36,0 проц. лесных.

В Костромском уезде процент кустарей поднимается до 30,1. В Чухломском уезде процент отхожников доходит до 91.

В общем, как мы видим, каждый район сохраняет своеобразные, характерные черты в промысловой жизни сельского населения.

II.

Отхожие промыслы, встречающиеся в России, можно разделить на несколько групп. Это отход земледельческий (т. е. на с.-х. работы), чернорабочий, деревенский ремесленный, городской ремесленный и фабричный¹⁾.

Земледельческий отход направляется вообще из местностей сравнительно менее обеспеченных землей (главным образом, из губерний средней черноземной полосы) в местности более обеспеченные (степное заволжье, Сев. Кавказ, Украину). Из черноземной же полосы преимущественно идут также и чернорабочие. Вообще в этом районе группируются менее квалифицированные (или вовсе не знающие ремесла) отхожники. Оно и понятно. В средней черноземной полосе повсеместно основным источником пропитания для крестьянства является земля; за свою полоску

¹⁾ При характеристике типичных форм отхода в России пользовались „Материалами для статистики Костр. губ.“ 1891 вып. 8 (Очерк Д. Н. Жбанкова „Бабья сторона“).

земли крестьянин там держится крепче. Привыкнув только к земледелию, он неохотно прибегает к отхожим заработкам. К промыслам и ремеслам он не подготавливается долгим обучением; поэтому, когда нужда, неурожай, малоземелье вытолкнут его на рынок труда, он ищет привычной своей с. х. работы, либо идет чернорабочим. Близость степной полосы и хлебородного юга, поглощающих обычно значительные массы с. х. батрачества, также способствует развитию земледельческого отхода.

Иное дело в нашей северной песчаной полосе. Здесь крестьянин хоть и держится за землю, но не привык полагаться на ее урожай. Зачастую он живет даже, главным образом, за счет своих промыслов, словом он уже „специалист“. Более или менее знает он мастерство, а не простой чернорабочий.

Промышляющий деревенским ремеслом — ходит по деревням (у нас преимущественно в северо-восточные губернии, Урал, Сибирь). Его ремесла — все необходимые для крестьян, для деревенской жизни, например: деревенские портные и сапожники, валенщики и шерстобиты, стекольщики, точильщики, серпозубы, плотники и пильщики¹⁾). Их жизнь и характер ведения промыслов много отличаются от другой распространенной у нас формы — городского ремесленного отхода.

Занимающиеся деревенскими промыслами, идут на свои заработки, главным образом, зимой или вообще во время свободное от полевых работ, так как работают они на таких же крестьян, как и сами. „Давальцам“ работы, крестьянам-же, во время своих полевых работ не до постройки и не до шитья обуви и платья.

¹⁾ Большинство строительных рабочих идет в города.

Благодаря этому, промышленяющие „деревенским отходом“ не поставлены в необходимость забрасывать земледелие. Если иные из них и идут весной, после сева яровых, то на сенокос и уборку хлеба они могут возвращаться домой, чтобы снова уйти осенью; у них наблюдается два срока для отхода — весенний и (главным образом) осенне-зимний.

Ремесла отхожих промышленников, уходящих в города, большею частью мало пригодны для деревни, как например, штукатуры, каменщики, маляры, водопроводчики и т. д. Подавляющая часть группы городских отхожников — строительные рабочие; строительный сезон захватывает все лето. Поэтому совмещение промысла с земледелием здесь в одном лице уже не возможно.

В Костромской губернии, как земледельческий, так и чернорабочий отход, распространены незначительно. Получившая издавна широкое развитие, промысловая деятельность местного населения приучила крестьянство к более высоким формам промыслов: у нас преобладают поэтому остальные три вида отхода — городской и деревенский ремесленный и фабричный, т. е. уход на фабрики, на постоянную или временную работу.

Деревенский отход шире всего развит в Кологривском уезде.

В северо-западной части губернии (Солигаличский, Чухломский, Галичский, западная часть Кологривского уезда) почти исключительно развиты городские отхожие промыслы. В Костромском и Нерехтском уездах развиты, как городской строительный, так фабричный и деревенский отход.

Все увеличивающееся поглощение рабочих рук местного крестьянства отхожими промыслами, приводит к тому, что нужды местного населения, выделяющего отхожих промышленников, уже начинают

удовлетворяться пришлым из других мест людом. И хотя местные заработки, напр., в Солигаличском, Чухломском уездах, в известном объеме, требующемся нуждам местного населения — имеются, но Солигаличские и Чухломские крестьяне привыкли (считают выгоднее) искать заработков на далекой стороне, а потому кадры портных, валяльщиков, с.-х. рабочих, для обслуживания нужд солигаличан и чухломичей — комплектуются из других уездов и даже из других губерний. Так, в 1923 году в Солигаличский уезд пришло на работу (по далеко не полным данным ВИК'ов) 300 человек, из которых было 120 плотников, 80 пимокатов, 100 сапожников. В Чухломский уезд явилось на заработки в том же году 110 с.-х. рабочих, в Галичский уезд — 160 плотников, 10 овчинников, 11 чернорабочих. В Кологривский уезд приходило 153 чел., в Нерехтском отмечен приход 20 чел., в Буйском 135 чел., а всего по губернии — 989 человек. Приходили преимущественно из Вологодской и Вятской губерний (а также, частично, и из других соседних губерний). Таким образом, мы видим своеобразное замещение. Наши, более квалифицированные промышленники, идут большею частью на заработки в города, а на их место приходят, для обслуживания костромской деревни, менее квалифицированные промышленники из более глухих углов — северо-восточных губерний.

III.

О существовании отхожих промыслов по „Замосковному краю“, к которому принадлежит и Костромская губерния, сохранились указания еще от XVII века. Ю. Готье в книге „Замосковский край в XVII веке“ пишет, что „местами отхода были города, особенно Москва, затем судоходные реки, например,

Ока, Волга". По Костромской губернии, в архиве усадьбы Волженских (Галичский уезд), относящемуся к XVII веку, мы встречаем указания на то обстоятельство, что крестьяне боярских владений принудительно отправлялись в дальние города для постройки военных укреплений в различных пунктах, на работы по „городовому и острожному делу“.

Практика принудительной отправки вотчинных крестьян в XVII и XVIII веках на строительные работы в отдаленные города, могла оказать известное влияние на быт крестьянства. Такие поездки могли укрепить в крестьянстве навыки к отхожим промыслам, да и научить самим ремеслам, тем более, что „городовое и острожное дело“ в Смоленской и др. пограничных губерниях Московии не обходилось без руководства иноземных техников и инженеров. Встретив в деревне уже имеющиеся кадры ремесленников, эти повинности могли способствовать (не вызвать, конечно) их укреплению и развитию.

Каким образом было занесено строительное мастерство в глушь Костромской губернии? — М. Раевский замечает, что „промыслы по строительной части, но не в качестве отхожих, а местных, занесены, надо думать, в край еще первыми из славянских колонистов, уроженцами Новгорода“. ¹⁾

Неизвестный автор описания Костромского наместничества в 1792 г. говорит, что, „проезжая по наместничеству, весьма много найдешь полей оставленных, заросших лесом и кустарниками. Какая же бы тому была причина? Она тотчас сама собою откроется, когда увидим наилучших в губернии работников, пренебрегающих не весьма щедрую землю свою и расходящихся по столицам и другим

¹⁾ Список населен. мест Костр. губ. 1887, стр. XVIII

российским городам искать лучшего пособия в платеже податей своих от городских работ и рукоделий, нежели от бедной сохи; помещики же, наложив на крестьянина двойной оброк, о том не беспокоятся" (Костр. Губ. Вед. 1859). Из этой официальной заметки можно заключить, что, очевидно, и прежде в губернии была „бедная соха“, т. е. сельское хозяйство само по себе не могло прокормить костромского крестьянина. Малоземелье, плохие почвы, холодный климат — все это давно стало толкать крестьянина в поиски отхожих заработков на стороне.

В конце XVIII века, дальний отход на промыслы, как указывает Туган-Барановский, был уже явлением распространенным в русской деревне центрального района („Русск. Фабрика“). Описание этой стороны жизни русского крестьянства в 18 веке, сделанное иностранцем Зольтау, очень напоминает нам современную картину отхожих промыслов в нашей губернии: „в некоторых местностях (России) — пишет он — мужчины оставляют земледелие почти исключительно женщинам, а сами уходят на разные заработки. . . Летом из всевозможных мест крестьяне стекаются в города, чтобы заниматься мелкой торговлей, плотничеством, каменной работой и пр.“¹⁾ Другой иностранец-современник, Фрибе, сравнивает правильное перемещение крестьянства летом в города, а зимой в деревню — с осенним и весенним перелетом птиц.¹⁾

Оброчная система, в связи с отхожими промыслами, в неземледельческих губерниях получила большое распространение.

Семевский приводит данные о распространении оброчной системы в конце XVIII века. В нечерно-

¹⁾ Цитировано по Туган-Барановскому.

земной полосе оброчных крестьян было 55%, а барщинных 45% всех крепостных крестьян. В Костромской губернии оброчная система значительно преобладала над барщиной. Наоборот, в черноземных губерниях—барщинная система преобладала: оброчных было всего 26%, а барщинных—74%¹⁾.

Материалы, извлеченные из архива князей Куракиных (владевших поместьями в Костромской губ.), позволяют установить роль отхожих заработков в крестьянском бюджете.²⁾ В 1788 г. из общей суммы оброка 62 проц. собиралось с крестьян при вотчине и 38 проц с крестьян в Ленинграде (т. е. отхожников). В 1833 году при вотчине с крестьян собиралось уже только 21 проц. всего оброка, а 79%—собиралось в Ленинграде. Наконец, в 1858 году при вотчине собрано всего лишь 9 проц. оброка, а 91 проц.—в Ленинграде.

Эти данные показывают нам, что сумма оброка, собиравшегося с крестьян в Ленинграде значительно превышала размер оброка, собиравшегося с крестьян при вотчине. В то время, как первая за годы с 1788 по 1859 составляла в среднем 87 проц., оброк, собранный с крестьян при вотчине за это же время выразился всего в размере 13%. Кроме того, заметно определенное стремление к увеличению в общей сумме оброка той его части, которая собиралась с отхожих промышленников, с постепенным падением части оброка, поступавшей с вотчинных крестьян.

Следовательно, в Чухломском уезде уже с конца 18 века отхожие промыслы были одним из главных денежных источников крестьян; при чем, повидимому, с годами все большая часть крестьян заменяла земледельческие работы отходом на заработки.

1) Цитировано по Туган-Барановскому.

2) „Костр. Старина“ 1912 вып. VII стр. 127-129.

Крживоблоцкий, ¹⁾ описывая Костромскую губ. (в конце 50-х годов 19 века), замечает, что „только самая незначительная часть тягол остается на заделье, остальные же отпускаются по оброку“.

Тот же архив кн. Куракиных дает указания, какими ремеслами занимались в конце 18 века отхожие промышленники северо-западных уездов Костромской губернии: „живущие в Чухломской вотчине крестьяне суть по большей части мастеровые, как то: бронзовые мастера, медники, слесаря, столяры, каретники, обойщики, кузнецы, обрушники и плотники. . . а которые иные крестьяне для торгу и работы ходят не только в Петербург и Москву, но и в самые отдаленные города российской империи, выторговывают и вырабатывают довольно количество денег и платят своим господам охотно(!) и бездоимочно оброк“.

Первые цифровые данные о размерах отхожих промыслов в нашей губернии относятся к концу 18 века. (К определению числа отхожников мы, как это обычно делается, подходим по цифрам выбранных в сельских местностях паспортов). В 1790 г. в Нерехтском уезде было отхожников 2.273 чел., в 1804 г.—3.077 чел. Из Галичского уезда в 1786 г. уходило 3.777 чел., а в 1805 г.—4.314 чел., из Кологривского—в 1786 г.—2.275 чел., а в 1804—2.547 чел., из Солигаличского в 1790 г.—2.428 чел., а в 1800 г.—4.006 чел. ²⁾

Пользуясь данными о численности населения по 5-й ревизии, мы устанавливаем, что в Солигаличском уезде уходило в те годы на сторону более

¹⁾ „Материалы для географии и статистики России собранные офицерами генеральн. штаба,“ 1861 г.

²⁾ Цифры взяты у Туган-Барановского („Русская Фабрика“).

20% мужского населения, в Кологривском и Галичском—около 10%, в Нерехтском—около 5%.

Позднейшие сведения о численности отхожих промышленников в первой половине 19 века, характере самого промысла и быте отхожников, нам дает Крживоблоцкий. „Промышленность жителей Костромской губернии очень разнообразна—пишет Крживоблоцкий—хотя хлебопашество необходимо должно занять первое место, но небольшие выгоды, получаемые от него без усиленного труда, а еще более, дух предприимчивости и промышленности, врожденный жителям, заставляют их добывать хлеб и деньги посредством ремесла, торговли и других промыслов, для чего слишком 60 т. человек ежегодно отлучаются из губернии в разные места империи и даже в Сибирь“.

По описаниям Крживоблоцкого и др. можно заметить, что в пятидесятых годах прошлого столетия размещение отхожников по уездам (исключая Нерехтский и Костромский, где отход особенно развился позднее, в связи с ростом фабрично-заводской промышленности) было в основе таким же, как мы наблюдаем и теперь. Наиболее „отхожими“ уездами, по численности занятых промыслами являлись тогда, как говорит Крживоблоцкий—северо-западные. Такими же они остались и теперь.

Особое распространение в них получили строительные промыслы: „промыслами: каменным, штукатурным, малярным и пр. занимаются крестьяне Солигаличского, Чухломского и части Галичского, Костромского и Нерехтского уездов“—пишет Крживоблоцкий. Ту же картину мы наблюдаем и в настоящее время.

Относительно заработков отхожих промышленников, Крживоблоцкий указывает, что „не все однако промыслы приносят большую выгоду; хлопчато-

бумажная промышленность — обогащает только хозяев фабрик, народ же работает на них почти только за насущный хлеб. Еще в худшем положении находятся крестьяне, занимающиеся бурлачеством“. Более выгодными промыслами Крживоблоцкий считает строительные.

Влияние отхожих промыслов уже 75 лет тому назад глубоко сказалось на быте крестьянства. Пожив в городе, отходники становились более развитыми. Их умственный уровень повышался. „Умственное образование сельских жителей тоже различно“ — замечает Крживоблоцкий. „Земледельцы, находясь в постоянном труде и заботе, не выезжая почти никуда далее своего прихода — естественно лишены всех средств к умственному развитию; занимающиеся же отлучными промыслами, большею частью бывают на работах в столицах и других городах России, где, находясь в непрерывных сношениях со всеми сословиями общества, развивают свой ум и свои природные способности“.

Это явление также, недовольно, замечает Крживоблоцкий: „шатаясь целый год по разным местам и имея при себе большие деньги они (отходники), легко приучаются к кочевой разгульной жизни и роскоши(!), от чего потом с трудом отстают, становятся менее религиозны и часто переходят в раскольнические секты.“

Занятия отхожими промыслами вели за собою забрасывание крестьянами своей земли, которая заростала лесом. „Часто под строевыми рощами и борами на сотнях десятин заметны загоны прежних полей“ — писал в 1859 г. Девочкин ¹⁾. Если мы

¹⁾ Костр Губ. Вед. 1859.

сопоставим площадь пашни в Костромской губернии конца 18 века (по планам генерального межевания 1773—83 г.г.), с современной площадью пашни, то отрицательные влияния промысловых занятий крестьянства на земледелие—станут ясно заметны. Площадь пашни непрерывно сокращалась. Спустя сто лет, в 1877 году, она составляла всего 79% от той пашни, что была учтена планами генерального межевания. В 1923/24 году—всего лишь 73%.

В наиболее же „отхожих“—Солигаличском и Чухломском уездах, это уменьшение площади пашни достигает 55—57%.

Как влияло на развитие отхожих промыслов крепостное право? При освобождении крестьян Костромской Комитет по поводу отхожих промыслов замечает: „по усвоенному этим краем обычаю, крестьяне с молодых лет обучаются разного рода ремеслам. Проживая большею частью в столицах и значительных городах для заработков, крестьяне не только легко оплачивают оброк, но и скопляют у себя капиталы, на которые до настоящего времени многие из них и выкупались у помещиков на волю. Помещики со своей стороны содействовали этому ремесленному развитию и, в видах сохранения нравственности (!), учреждали над ними надзор в столицах, поставляя для того особых старост из числа отпускаемых для заработков ремесленников“.¹⁾

Эти замечания рисуют нам целую организованную систему эксплуатации помещиками своих крепостных крестьян, путем отправления последних в отход на заработки.

Однако, если крепостное право являлось фактором, способствовавшим развитию отхожих промы-

¹⁾ А. Скребницкий „Крестьянское дело“ т. III стр. 664 (Цитировано по Н. И. Воробьеву „Экономический сборник“ стр. 87).

слов—его падение еще более усилило отход. О резком увеличении отхода на промыслы, выявившемся после падения крепостного права, говорят следующие цифры:

Года	1853	1857	1868	1880
Число выбранных в Костромской губ. паспортов.	96.834	96 245	107.601	162 665

В промежутке с 1868 по 1880 г.г. число отхожников возрасло в полтора раза. Над крестьянами, после „реформы“ 1861 года висел еще более тяжелый экономический гнет. С другой стороны — в городах, ростки зарождавшегося и крепнувшего молодого промышленного капитала все сильнее притягивали к себе рабочие руки, которые у крестьянства были развязаны. Рост капиталистических отношений в деревне расслаивает крестьянство. И конец 19 века — начало 20 века характерны непрерывным широким ростом „нового типа сельского пролетариата, класса наемных рабочих с наделом“.

IV.

Для оценки тех изменений, которым подверглась промысловая деятельность крестьянства за годы войны и революции, рассмотрим данные выборочного обследования по 7329 хозяйствам губернии, взятым по всем уездам губернии (6 волостей в старом административном делении).

Г о д а,	До войны (97—05)	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
% хозяйств с промышленниками.	81,1	21,7	15,2	12,8	14,8	50,9	58,8

Рассматривая изменения процента промысловых хозяйств за пять последних лет и сравнивая его с довоенным, мы видим, что наибольшее падение промысловости относится к 1922 г.

Голодные годы — 1918 - 1920 г.г., в связи с общей хозяйственной разрухой, посадили опять большинство промышленников на землю, за сельское хозяйство.

Однако уже с 1923 года в губернии начался новый рост промысловых заработков; с восстановлением нарушенных войной экономических связей, с общим подъемом народного хозяйства, снова заработали прежние причины, толкавшие костромское крестьянство на путь побочных заработков. Развитию промыслов способствовал, несомненно, и ряд льгот, предоставленных правительством промышленникам — крестьянам. В конечном счете, если принять за 100 довоенный процент промысловости, то в указанных семи тысячах крестьянских хозяйств степень развития промысловых занятий достигла в 1925 году 72,5 процентов довоенного уровня.

Ближе других к довоенному уровню подошло число лесных промышленников и сплавщиков, составляя 86% довоенного. Число кустарей достигло 74%, число же отхожников всего лишь 48%. Темп роста отхожих промыслов слабее потому, что подавляющее большинство отхожников — строительные рабочие. Строительство же нашей промышленности и городов только еще начинается. До сих пор шли преимущественно восстановительные работы, ремонты и т. д., которые, конечно, не могли поглотить довоенного количества рабочих-строителей.

Часть отхожников, преимущественно из числа занимавшихся различными деревенскими ремеслами (катали, портные, металлисты и др.), за годы войны осела на землю и занялась своими ремеслами

оседло, на месте, пополнив кадры кустарей (тем более, что транспортная и общая хозяйственная разруха порвала старые связи их с дальними губерниями и мешала их прежним „экономическим кочеваниям“).

Особенно характерен такой переход наших промышленников от бродячего ремесла к кустарному производству в Кологривском уезде (процесс постепенного оседания бродячих промышленников в нашей губернии, по замечанию Барыкова¹⁾ — начался еще задолго до войны. В последние же годы он принял повидимому только более заметные формы).

Всех промышленников в губернии, по приблизительным подсчетам Губстатбюро, в 1925 г. было свыше 90.000 челов. Цифра эта, вероятно, не совсем полна, т. к. при сравнительно несовершенном материале (а исчерпывающий материал даст только все-союзная перепись) возможен недоучет (в особенности, могли проскользнуть с.-х. рабочие).

Разбив всех учтенных сельских промышленников по характеру их промысловой деятельности на три основные группы: добывающая промышленность, (в том числе лесная), обрабатывающая промышленность и прочие виды промыслов (транспорт, торговля и т. д.) получим, что в добывающей промышленности занято 15% всех промышленников, в обрабатывающей — 83% и в прочих видах — 2%.

До войны (по подворной переписи 97—905 г.г.) в добывающей промышленности было занято 22%, в обрабатывающей 67% и в прочих видах промыслов — 11%. Очевидно, и в довоенное время, и теперь, обрабатывающая промышленность занимала преобладающее место в ряде других отраслей промыслов.

¹⁾ В. Барыков „Промысловые занятия крестьянск. населения Костр. губ.“ 1909 стр. 12.

Между промысловыми занятиями в обрабатывающей промышленности на первом месте стоят строительные промыслы (плотники, маляры и проч.); на следующем месте идет производство одежды и обуви (портные, сапожники, шапочники и пр.); на третьем месте — обработка шерсти (катали, шерстобиты).

Количество отхожих промышленников обычно определяют по числу выбранных в сельских местностях паспортов (хотя этот способ и не обуславливает исчерпывающей точности, он является пока единственным мерителем отхода). Число выбранных паспортов в 1924-25 г. в Костромской губернии равняется 63823.

Проследим, как шел рост отхода за последние шестьдесят лет.

Как видно, теперешнее число отхожников достигло 48,6% от довоенного (1910 г.), т. е. почти половины.

Г о д а.	1868 г.	1880 г.	1900 г.	1910 г.	1925 г.
Число выбран паспортов по губернии в современных границах.	57.197	77.357	104.540	131.344	63.823

Размещение отхожих промышленников по уездам было неравномерным. Располагая уезды по наибольшей „плотности“ отхода, т. е. учитывая число выбран. паспортов на 100 душ сельского населения, мы получим такую картину:

Уезды:	Чухломск.	Солигалич.	Нерехтский	Галичский.	Буйский.	Костромск.	Кологривс.	В среднем по губ.
1910 г.	22,55	22,01	21,76	17,98	17,28	16,87	12,45	17,79
1925 г.	11,96	6,85	10,00	11,43	8,68	5,01	8,53	8,58

Группируя опять уезды губернии в три типических группы, мы видим, что сравнительно большим распространением отхожих промыслов отличаются северо-западные уезды:

Уезды:	Юго-запад-ные	Северо-западные.	Северо-восточный	В среднем по губерн.
Года: 1910 г.	18,3	19,3	12,4	17,8
1925 г.	6,6	10,0	8,5	8,6

За ними следовала группа юго-западных уездов. Теперь же места переменились: юго западные уезды отошли по относительному числу отхожников на последний план. Чем это об'яснить? Заметим, что значительная часть уходивших на заработки из юго-западных уездов крестьян шли на местные текстильные и другие фабрики. Возможно, что современный уровень развития Костромской промышленности еще не может поглотить довоенного числа рабочих рук, в связи с чем и мог понизиться, по

сравнению с довоенным, процент отхожников по Костромскому и Нерехтскому уездам.

На одно крестьянское хозяйство приходилось выбран. паспортов:

Уезды:	Костромск.	Нерехтский	В среднем по 2-м уезд.	Галичский.	Буйский.	Чухломск.	Солигалич.	В среднем по 4-м уезд.	Кологривс.	В среднем по губерн.
1910 год . . .	1,03	1,39	1,14	1,20	1,03	1,38	1,36	1,21	0,83	1,12
1925 год . . .	0,26	0,53	0,34	0,59	0,45	0,57	0,39	0,50	0,44	0,44

В абсолютных цифрах география размещения отхожников, по числу выбран. паспортов, по уездам в 1925 году такова:

Уезды:	Галичский.	Кологривс.	Костромск.	Нерехтск.	Буйский.	Чухломск.	Солигаличс.	Всего по губернии.
Число выбран. паспорт.	16.364	11.313	8.483	7.911	7.811	7.186	4.755	63.823

Наиболее крупная масса отхожников сосредоточена в Галичском уезде.

Рассмотрим теперь, сколько людей захватывают отхожие промыслы среди мужчин и женщин.

В 1925 г. на 100 лиц сельского населения приходится выбран. паспортов:

Уезды:	Юго-запад.	Северо-западные.	Северо-восточн.	В среднем по губерн.
Мужских .	4,8	8,6	7,6	7,2
Женских .	1,9	1,3	0,9	1,4

Отхожими промыслами повсеместно занято, главным образом, мужское население деревни. На 100 выбранных паспортов приходится всего 20 женских паспортов ¹⁾).

Менее всего наблюдается женский отход в Кологривском и Галичском уездах. В первом на 100 паспортов приходится всего 12 женских, а во втором — 11.

Наоборот, наиболее развит женский промысловый отход в Костромском и в Нерехтском уездах. В последнем на 100 мужских паспортов приходится 47 женских, что стоит в связи с текстильным фабричным производством, развитым в юго-западной части губернии.

V.

Рассматривая отхожие промыслы нашей губернии по характеру занятий промышленников, мы

¹⁾ В среднем по губернии в 1925 г. на 100 мужчин в рабочем возрасте выбирало паспорта 36,2; на 100 женщин в рабочем возрасте — 5,4. Женский отход надо полагать еще меньше, т. к. многие женщины едут из своих селений к мужьям, на побывку.

видим, что основное ядро их (почти 70 процентов), составляют строительные рабочие.

Промыслы.	Строительные промыслы.	Обработка дерева.	Производство одежды и обуви.	Обработка растительных волокон. веществ (отход на текст. фабр.).	Обработка шерсти.	Обработка металла.	Чернорабочие.	Обраб. глины.	Прочие.	В с е г о.
В процентах:	68,8	7,5	5,2	5,1	4,8	2,5	2,1	1,8	2,2	100%

Разберем поподробнее состав каждой промышленной группы.

Почти две трети всех строительных рабочих, а именно 63 проц. их составляют плотники. Следующая по численности категория — маляры; маляров в числе строителей 27 процентов.

Таким образом, на две эти профессии приходится 90 проц. всех строителей. На долю же всех остальных строительных профессий остается всего лишь 10 проц.; в числе этих профессий отметим каменщиков, печников, штукатуров, стекольщиков, кровельщиков, водопроводчиков, паркетчиков и пр.

Большинство занятых обработкой дерева — столяры, которых 59 проц. Затем идут пильщики — 22 проц.; на третьем, по численности, месте бондари — 17 проц. и только 2 проц. составляют остальные мелкие древодельные промыслы (гробовщики, колесники, токари по дереву и пр.).

Следующей, по числу отхожников, группой в губернии является производство одежды и обуви.

В числе промышленников этой группы — 49 проц. портных; 47 проц. шапочников и 4 проц. сапожников.

К занятым обработкой растительных волокнистых веществ относятся отхожники, идущие на текстильные фабрики.

Из промышленников, занятых обработкой шерсти почти сплошь все — катали.

38 проц. занятых обработкой металла — точильщики; 14 проц. — кузнецы, 12 проц. — серпозубы. Из числа остальных упомянем жестяников, лудильщиков, медников и пр.

Большинство занятых обработкой глины — кирпичники.

В числе прочих промышленников, укажем торфяников, с.-х. рабочих, кожевенников, пищевиков, транспортников (извоз, ж. д. и водн. пути сообщения), торговцев и т. д.

Как распространены все эти промыслы по уездам?

Главная масса — 34 проц. — всех строительных рабочих губернии размещены в Галичском уезде; 16 проц. — в Кологривском, 12 проц. — в Чухломском, столько же в Нерехтском, остальные приблизительно поровну — размещены в других трех уездах.

Почти третья часть всех занятых обработкой дерева — 30 проц. — сосредоточено в Чухломском уезде; 20 проц. — в Костромском; 19% — в Солигаличском; 13 проц. — в Буйском.

Занятые производством одежды и обуви — сосредоточены, главным образом, в двух уездах — в Буйском и Кологривском, где их размещено 86 проц. из числа всех промышленников этой группы по губернии; при этом на Буйский уезд падает 56 проц. от погубернской цифры этих отхожников, а на Кологривский — 30 проц. Из Буйского уезда идут, главным образом, шапочники, а из Кологривского —

портные. Остальная небольшая часть промышленников одежды и обуви размещены (примерно, равными долями) почти только лишь в Галичском и Костромском уездах.

Отход на фабрики развит почти исключительно лишь в Нерехтском и Костромском уездах.

Обработка шерсти (катали) на 95 проц. сосредоточена в Кологривском уезде.

Три четверти занятых обработкой металла (точильщики, серпозубы и др.) уходят на заработки из Костромского (54 проц.) и Буйского (21 проц.) уездов. В остальных уездах размещены лишь небольшие группы этих промышленников.

На обработку глины (кирпичники) идут почти исключительно из Буйского уезда.

Чернорабочих больше всего встречается в Костромском (43 проц.), Галичском (27 проц.) и Чухломском (14 проц.) уездах.

Куда идут отхожники?

Возьмем всю массу отхожников, ежегодно покидающую губернию, и рассмотрим направление отхода промышленников. ¹⁾

Оставляя в стороне ту часть отхожников, которые разбредаются внутри Костромской губернии (на фабрики и для обслуживания нужд местного населения), посмотрим, куда идет остальная, главная масса.

Две трети идет в столицы — Ленинград и Москву. В Ленинград уходит 45 проц., в Москву 22 проц. Дальше, 10 проц. идет в Ярославскую и Иваново-Вознесенскую губернии; в Нижегородскую губ. и среднее поволжье — 4 проц.; в Сибирь, на Урал, в Вятскую, Пермскую, Вологодскую губернии идет

¹⁾ По наблюдениям Губстатбюро (сообщения добров. корреспондентов) за последнее десятилетие.

около 8 проц; в Архангельскую губернии — 1 процент и в другие губернии 10 проц.

В Ленинград и Москву идут, главным образом, строительные рабочие и столяры. На Москву двигаются также и шапочники.

В соседние — Ярославскую и Иваново-Вознесенскую губернии идут строители. В последнюю же — наблюдается и фабричный отход.

На восток — в Вятскую, Пермскую губернии, в Сибирь, на Урал — идут преимущественно портные и катали.

Остановимся поподробнее на отдельных уездах. Рассматривая промышленников по каждому уезду (беря за 100% всех отхожников данного уезда), мы видим, что во всех уездах основное ядро промышленников составляют строительные рабочие. Но это ядро имеет в отдельных уездах далеко не одинаковый удельный вес. Наименьший процент строительных рабочих в Буйском уезде — 48 процентов, а наибольший в Галичском — 92 процента.

Вообще, юго-запад губернии отличается наибольшим разнообразием промысловой деятельности сельского населения.

В Костромском уезде, из числа всех промышленников, 62 проц. строителей, 11 проц. занятых обработкой дерева 10 проц. — металла, 7 процентов — чернорабочих, 2 процента — производит одежду и обувь.

Из Костромского уезда, кроме части отхожников, растекающейся по своей губернии, остальные идут, главным образом, в Ленинград и Москву и частично — в Иваново-Вознесенскую и Ярославскую губернии.

В Нерехтском уезде процент строителей ниже — всего 50 проц., обработкой дерева занято 5 проц.; 40 проц. нерехтчан уходят на фабрики.

Нерехтчане в главной массе идут в соседние Иваново-Вознесенскую и Ярославскую губернии и частично — в Ленинград.

В Буйском уезде строительный отход занимает меньше половины всех промышленников — всего 48 проц. На ряду со строителями, мы здесь видим значительную массу шапочников и портных, которых здесь 24 проц. Кроме того 14 проц. уходящих отсюда промышленников составляют кирпичники. Далее 8 проц. отхожников из Буйского уезда — металлосты (точильщики, лудильщики, кузнецы).

Буйские идут в более или менее сходных массах, как в столичные города, так и в Ив.-Вознесенскую и Ярославскую губ. и кроме того — в северо-восточные губернии — Вятскую, Вологодскую и Пермскую.

Три северо-западных уезда — Галичский, Чухломский и Солигаличский — имеют в характере отхожих промыслов очень много общего. Отход в них отличается наибольшею однородностью в отношении профессий промышленников: подавляющее большинство отхожников во всех этих уездах — строители, которые составляют в Чухломском уезде 73 проц., в Солигаличском — 74 проц. Остальная часть промышленников в этих уездах, главным образом, столяры. Прочие виды промыслов развиты очень слабо. В Галичском же уезде строители, как уже упоминалось выше, составляют 92 проц. всех отхожников.

В этих трех уездах „столичный“ отход решительно преобладает над всеми остальными направлениями. Недаром в прежние годы солигаличских и чухломских отхожников прозвали „питерщиками“.

В Кологривском уезде 63 проц. всех отхожников составляют строительные рабочие — главным образом, плотники. Четвертая часть — 26 проц. — катали, 9 проц. — портные.

Главную долю отхожников и в Кологривском уезде поглощает отход в Ленинград ¹⁾ и Москву. Но кроме столичного отхода здесь шире, чем в других уездах, распространен отход в северо-восточном и восточном направлении — в Вятскую, Вологодскую, Пермскую губернии, в Сибирь и на Урал; туда идет четвертая часть всех отхожников-кологривцев.

Итак, строительные рабочие из всех уездов идут, главным образом, в столицы, частично в соседние — Ярославскую, Иваново-Вознесенскую губернии и расходятся также по своей губернии. В тех же направлениях двигаются и чернорабочие.

У шапочников три направления — Москва, Ленинград и восток (т. е. северо-восточные губернии, Сибирь и Урал).

Портные и катали — в большинстве идут в восточном направлении.

VI.

Время выборки паспортов позволяет нам судить и о сезоне отхода.

Если мы разделим год пополам, взяв с одной стороны весенне-летний сезон (март-август), а с другой — осенне-зимний (сентябрь-февраль) и подсчитаем, сколько паспортов выбрано в эти сроки в деревне — то увидим, что за 6 весенне-летних месяцев в 1925 г. было взято 67% паспортов, а за осенне-зимнюю половину года 33%. Выделяя же одних мужчин, видим, что здесь в первом полугодии берут 68,4% всех паспортов, то есть более двух третей, а во втором — только 31,6%. Наоборот, у женщин — выборка паспортов идет равномернее. На летний сезон берут 58%, а на зимний — 42%.

¹⁾ В Ленинградском направлении многие кологривцы идут на Волховстрой.

Эти цифры говорят за то, что основным сезоном для костромских отхожников мужчин (а последних, по числу выбранных паспортов, впятеро больше, чем женщин)—является летний.

Это не требует объяснений, если учесть, что главная масса всех отхожников (почти 70%)—строительные рабочие.

Но сезон строительных работ не заканчивается августом, а заходит и в глубокую осень. По сообщению ВИК'ов, началом сезона строительного отхода является март, а концом—ноябрь месяцы; таким образом, средняя продолжительность сезона строителей—9 месяцев.

Как сообщают ВИК'и, в марте двигаются в путь преимущественно плотники, а в мае—остальные группы строителей—маляры, каменщики, кровельщики, штукатуры. Плотники же работают дольше всех строителей, возвращаясь, главным образом, в ноябре, тогда как остальные в значительном числе кончают сезон уже в октябре месяце.

Сезон отхожников, занятых обработкой дерева, несколько короче, составляя в среднем 6 месяцев. Столяры уходят в мае, возвращаясь в октябре.

Подавляющее большинство строительных и деревообрабатывающих рабочих в губернии обуславливает и преобладание в сезоне отхода—весенне-летне-осеннего.

Представителями другого, зимнего, сезона, является значительно меньшая по численности группа—занятых производством одежды и обуви и обработкой шерсти. Сюда включаются шапочники, портные, катальщики. В небольшом числе работают зимой и другие промышленники, как строительные, металлисты и пр. Эти промышленники уходят, главным образом, в сентябре, а возвращаются в январе

и феврале. Средняя продолжительность сезона работ этих отхожников 5—6 месяцев.

Любопытно проследить, как движутся массы отхожников, по количеству ежемесячной выборки паспортов в ВИК'ах.

Принимая за 100% число всех паспортов (берем здесь только мужской отход), выбранных по губернии с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г., мы видим, что в октябре 1924 г. было выбрано 7,6% всех паспортов, в ноябре—3,8%, в декабре—3,6%, в январе—5,1, в феврале—5,0%, в марте—15,0%, в апреле—9,7%, в мае—16,4%, в июне—8,1%, в июле—8,2%, в августе—11,1%, в сентябре 1925 г.—6,4%.

Здесь мы наблюдаем, как в марте отправляется в путь первая большая волна отхожников, в апреле—эта волна несколько ослабела (что, возможно, имеет связь, как с характером профессии отхожников, так и с подготовкой ярового сева), а в мае—вновь хлынула, с еще большей силой.

Вторая, менее заметная, волна отхожников движется осенью. Начинается второй сезон. Это идут уже зимние отхожники; их значительно меньше. По наблюдениям ВИК'ов, в сезон весна—лето—осень (март—ноябрь) уходят четыре пятых всех промышленников, и только одна пятая—идет на осень и зиму (сентябрь—февраль).

VII,

Заработки (мы учитываем здесь лишь чистый заработок, т. е. принос денег домой, в среднем, на одно хозяйство с отхожниками, за вычетом расходов самого промышленника на дорогу и прожитие) отхожих промышленников колеблются в зависимости от профессии отхожника и сезона его работы. При всем том, наблюдаются также небольшие

различия и в заработках отхожников по разным уездам.

Начнем обзор с количественно-наибольшей группы отхожников в губернии—строителей. Летние заработки строителей значительно выше зимних. В 1924—25 г.г. (мы будем характеризовать эти года), за летний сезон средний заработок строительного рабочего по губернии выражался в 175 рублей на одно хозяйство.

Приведем заработки наиболее распространенных профессий. ¹⁾

Промыслы.	Плотники.	Маляры.	Печники.	Каменьщики.	Стекольщики.	Кровельщики.	Штукатуры.	Паркетчики.
Средний заработок за летний сезон на 1 хоз. с отхожниками в 1924/25 г. руб. червон.	167 р	189,9	192,1	174,6	167,6	233,7	167,6	233,3
1913/14 г. руб. довоенных	221,6	240,9	321,0	219,0	—	328,5	294,3	325,0

Более высокими являются в настоящее время заработки кровельщиков, паркетчиков. За ними идут печники, маляры. Меньше других приносят домой плотники.

Зимние заработки строителей много ниже; так, плотники зарабатывают 64,6 руб., маляры—75 руб., каменьщики 32,1 руб.

¹⁾ По сообщениям ВИК'ов в 1924 г. на одно хозяйство с отхожниками приходилось в среднем по губернии 1,18 отхожника. До войны же—значительно больше.

Цифры заработков взяты по данным Губстатбюро (сообщения корреспондентской сети).

Заработок точильщиков за зимний сезон 1924/25 г. составлял 200 руб., а за летний—280 рублей. Слесаря приносили за лето 215,8 руб., лудильщики—113,3 руб.

Заработки столяров приближаются к заработкам строительной группы, хотя и выше заработков плотников и маляров, составляя за летний сезон 196,9 руб. За зиму же столяры вырабатывали всего 52,5 рубля.

Пильщики принесли в хозяйство за летний сезон 77,5 руб.

Заработок кирпичника за летний сезон выразился в 147,5 р.

Среди промышленников, занятых изготовлением одежды и обуви и обработкой шерсти, заработки ниже заработков других категорий промышленников. Вот цифры за зимний сезон:

Промыслы.	Шапочники	Портные	Сапожники	Катали
Средн. зараб. на 1 хозяйство с отхожниками за сезон 1924/25 г. . . .	116,9	94,3	86,7	61,8
1913/14 г. . . .	—	102,7	—	109,4

Обследование бюджетов крестьянских хозяйств в 1924/25 г. устанавливает чистый доход от отхожего промысла в среднем на одно хозяйство в 48 руб. Таким образом, отхожие промыслы дают костромскому крестьянству не менее 7.000.000 р. в год ¹⁾.

¹⁾ В губернии 145.438 крестьянских хозяйств. Бюджетные же исследования охватили только 106 хозяйств. Таким образом, приведенные цифры следует считать весьма приблизительными.

VIII.

Отхожие промыслы не остаются без влияния на здоровье, рождаемость, смертность, грамотность, быт и другие стороны жизни населения губернии.

Так, давно замечено (в особенности д-ром Д. Н. Жбанковым) уменьшение рождаемости и прироста населения во всей наиболее „отхожей“ полосе Костромской губернии.

На 100 женщин в возрасте от 15 до 50 лет приходилось рождений:

Уезды.	Юго- западные.	Северо- западные.	Северо- восточный.	По губер- нии.
в 1897 году.	20	17	21	19
в 1913 „	17	15	21	17

Отсутствие мужчин во время летних полевых работ, возлагает все тяжелые полевые работы на женщин, превращая наши „отхожие“ уезды в своеобразную „бабью сторону“. Черезмерный непосильный труд истощает женщин.

На здоровья самих отхожников вредно отзываются тяжелые условия жизни на временных заработках в больших городах, что повышает болезненность и смертность среди отхожников.

Все эти причины способствуют кроме того, преобладанию женского населения над мужским, сказывающемуся сильнее в наиболее „отхожих“ уездах. Вот что говорят переписи 1897 и 1920 годов

и данные ВИК'ов за 1924 год. На 100 мужчин приходилось женщин:

Уезды.	В юго-восточ. у.	В северо-западных.	В северо-восточн.	В среднем по губерн.
1897 год.	125	135	122	128
1920 "	138	148	128	140
1924 "	118	121	113	118

Из положительных следствий отхожих промыслов, отметим повышенный культурный уровень отхожника. Пожив в городе, отхожник скорее научался и привыкал к грамоте.

Наши питерские отхожники были в числе первых застрельщиков Октября в деревне северной глуши Костромской губернии, первых организаторов коммунистических и советских ячеек. По мере развертывания гражданской войны, многие десятки и сотни передовых „питерщиксв“, достаточно поварившихся в пролетарском котле Ленинграда, ушли добровольцами на революционные фронты.

Продолжительные отлучки из дому ведут за собой оживленный обмен почтовой перепиской и в сельских местностях „отхожих“ уездов почтовый обмен развит значительно шире, чем в других частях губернии. В „отхожую“ полосу губернии, кроме того, заметен сравнительно большой прилив по почте — денег и облигаций крестьянских займов. Это отхожники — пересылают по почте своим семьям часть заработка.

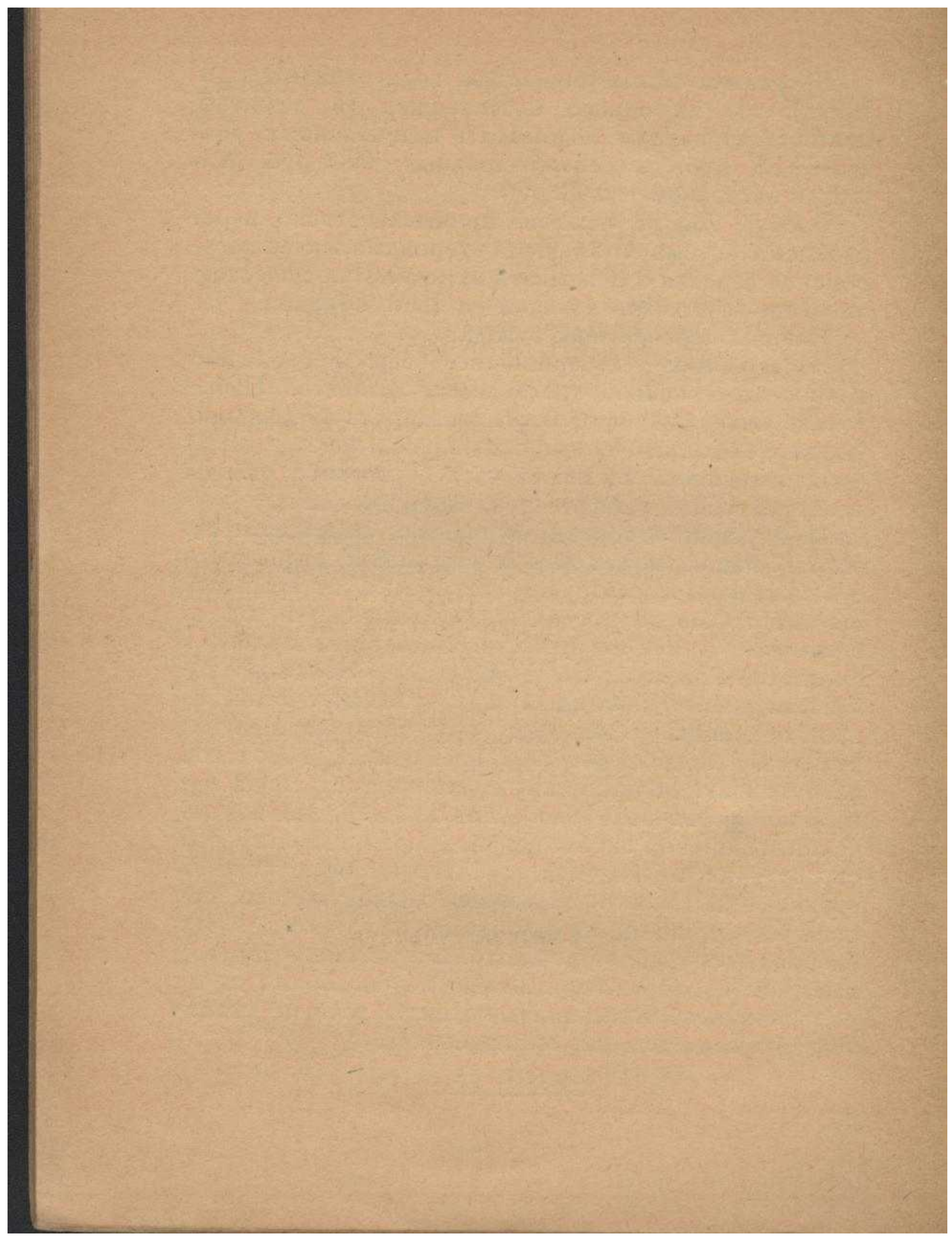
Заметим, что „отхожие“ уезды оказываются и более исправными плательщиками налогов (берем крестьянские налоги по данным Губфо).

В среднем за год (берем два года—1923-24 г. и 1924/25 г.), на одного плательщика (в сельских местностях) падало недоимки в юго-западных уездах—1,85 руб., в северо-западных—0,83 руб. и в северо-восточном—0,98 руб.

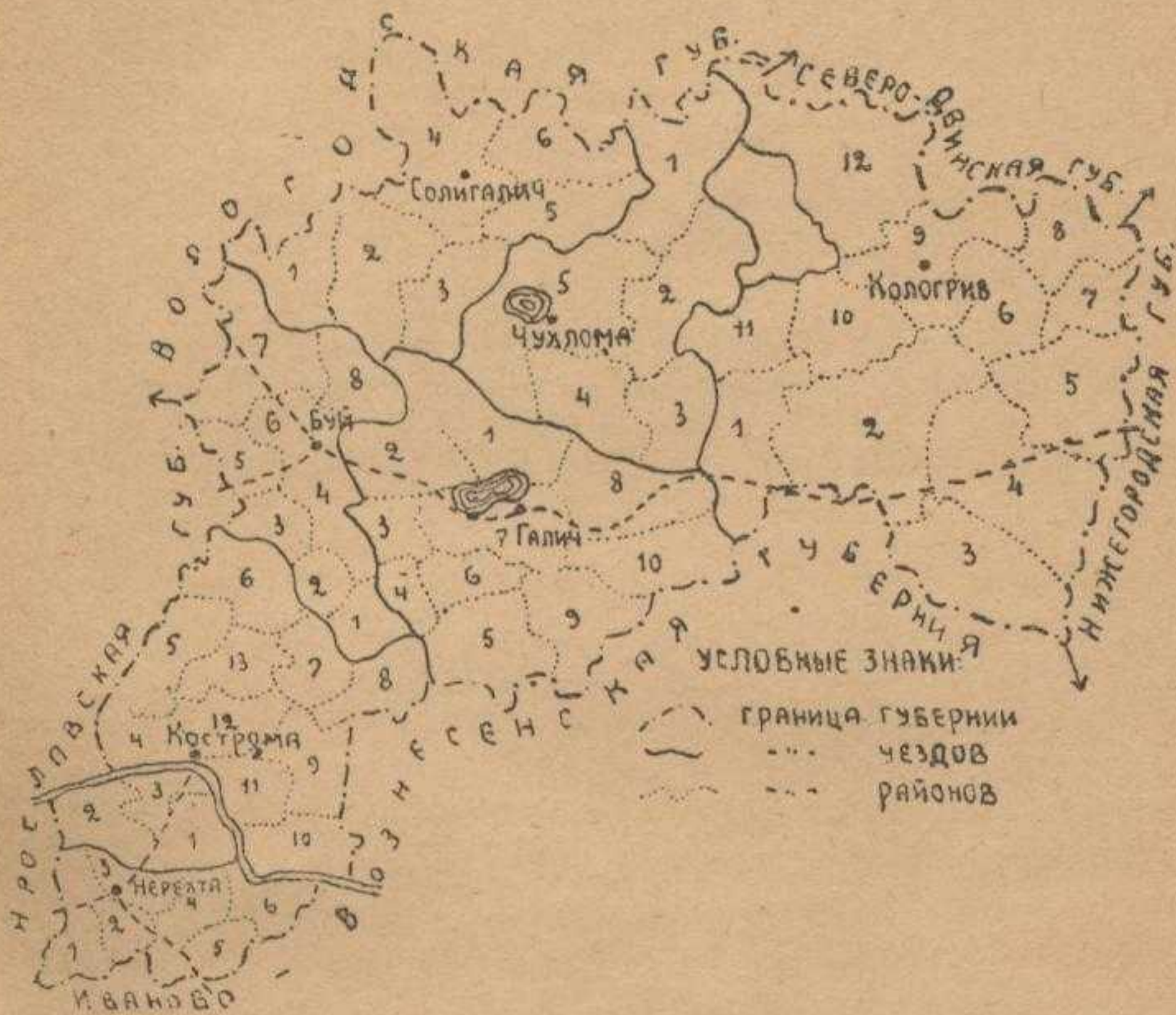
Вообще говоря, отхожие промыслы тесно переплелись со всеми остальными сторонами жизни костромской деревни и описывать их, значит, посуществу, рисовать эту жизнь во всем ее многообразии.

Каковы перспективы отхода?

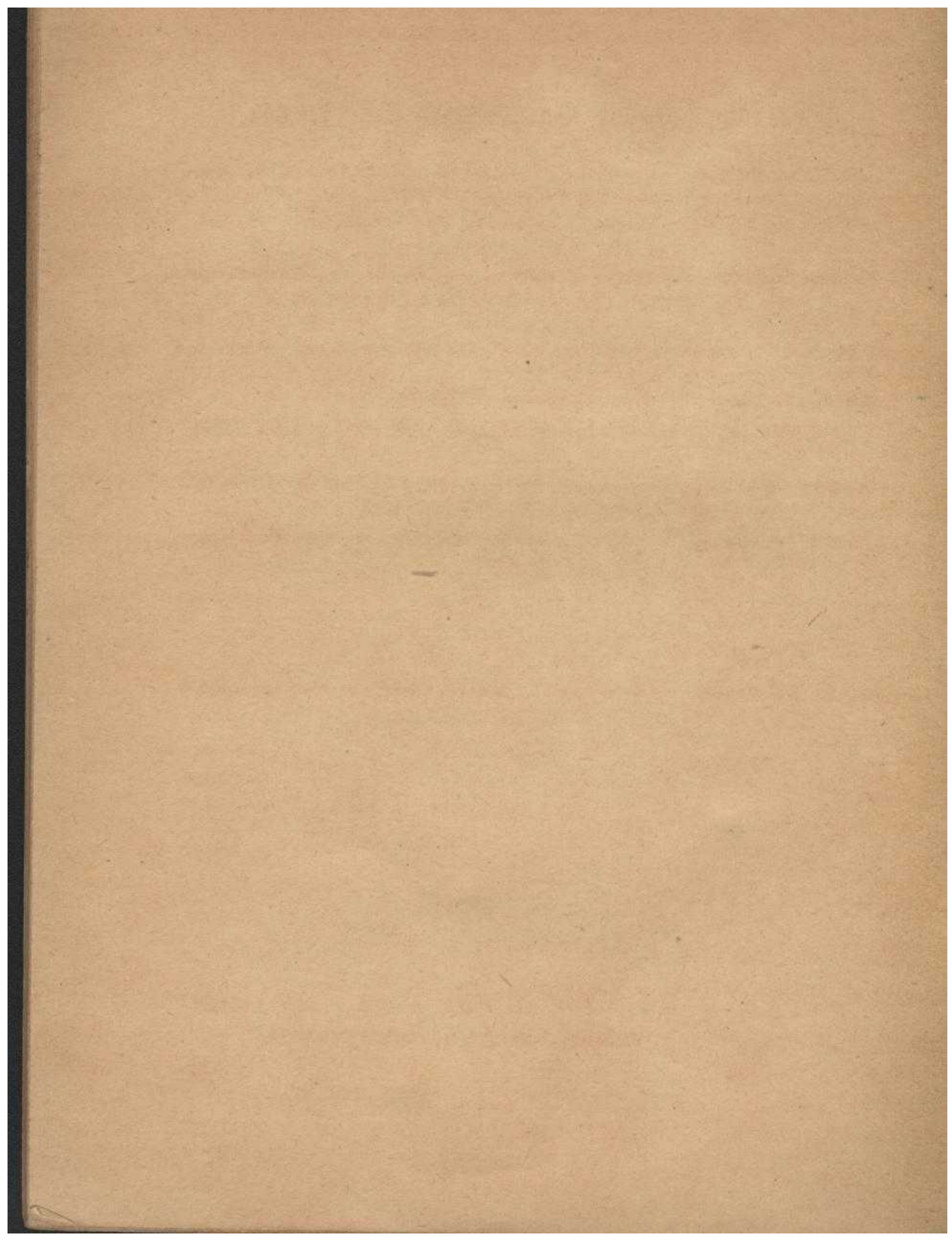
В экономике губернии все еще преобладает мелкое экстенсивное, крестьянское хозяйство. Избыточное население продолжает выпирать из деревни. Однако, недостаточное еще пока развитие городской промышленности не может дать постоянной работы десяткам тысяч рабочих рук, тянущимся из костромской деревни в города, в поисках заработка. Но если город не может дать костромским строителям—отхожникам достаточного заработка, который мог бы обеспечить им постоянное пребывание в городе с семьей—то все же известный сезонный заработок он дает. А наличие хотя кое-какого сельского хозяйства делает некоторый вклад в бюджет отхожего промышленника, позволяя ему довольствоваться меньшим заработком, чем постоянный городской ремесленник. И поскольку крестьянство нашей губернии еще не овладело в полной мере возможностями к широкой эксплуатации природных ресурсов своего края, не подняло на более высокую ступень организацию своего сельского хозяйства, оно по-прежнему движется на промыслы на сторону, в тех направлениях, где встречает более легкие и выгодные, чем обработка примитивными способами скудных почв и ставшие привычными в течение столетий—условия для своих заработков.

Приложение.

Карта Костромской губернии.

50 =

Последние издания Костромского Губстатбюро.

Дюбюк, Евг. — Потребление древесины в крестьянских хозяйствах Костромской губернии. 1924. 32 стр.

Андреев, В. А. — Основные элементы крестьянского хозяйства в 1916, 1920 и 1924. 45, 1 нен. стр. 1924.

Костромская губерния в цифрах. 1923—24 г. (Статистический справочник, год IV-й). 1925. 276, 8 нен., 32 стр. об'явл.

Списки населенных мест по Костромской губернии. Выпуск 1-й. — Костромской уезд. 1925. 48 стр.

Тоже. Выпуск 2-й. — Буйский уезд. 1925. 32 стр.

Готовцев, Г. А. — Кооперация Костромской губ. в 1924 году. 47 стр.

Владимирский, Н. — Тяжелы ли советские налоги на крестьян Костромской губернии 1925. 7 стр. 1 нен.

Виноградов А. В. — Крестьянские бюджеты Костромской губ. за 1923-24 год. 1926. 121 стр., 1 нен.

Печатаются:

В. А. Андреев — Костромской текстильщик и его бюджет. (По обслед. 1923 и 1924 г.г.).

Склад изданий: г. Кострома, площ. Революции,
зд. Губисполкома, Губстатбюро.

